

Глава 27. Принятие в ученики

Мужчина, чьё терпение окончательно истощилось под напором этого дерзкого, бесстыдного, а порой и попросту наглого гэ'эр, решил больше не скрываться. Он холодно усмехнулся и отрезал: — Я и есть Учитель Ван. И я говорю вам прямо: я не приму этого человека.

Лю Тяньцзяо от изумления широко раскрыл рот, а слова застряли у него в горле. — Вы... вы и есть Учитель Ван?

Наставник, глядя на то, как недавний задира в миг превратился в нахохлившегося перепела, ощутил некое подобие удовлетворения, точно выпил чашу студёной воды в знойный полдень. — Собственной персоной, — подтвердил он. — Твой муж, может, и зазубрил каноны, но в остальном он ничего не смыслит. В моей школе полно десятилетних мальчишек, которые уже сдали экзамен на туншэна. Так что его «talанты» меня ни капли не впечатлили.

Учитель Ван явно запомнил каждое слово из хвастливой тирады Тяньцзяо и теперь с явным удовольствием возвращал должок, отвечивая юноше словесную оплеуху.

Вэй Вэнькан никак не ожидал, что перед ним стоит тот самый человек, к которому он так стремился попасть. Вспомнив недавнее поведение своего супруга, он побледнел как полотно и едва слышно пробормотал: — Ученику... ученику невыразимо стыдно.

Глядя на его робость, Ван пришёл к выводу, что этот гэ'эр годами помыкает несчастным мужем, тираня его в собственном доме. В сердце наставника шевельнулась смесь жалости к бедолаге и гнева на его безволие. — Ты, в конце концов, мужчина! Ты вовсе не выглядишь высокомерным гордецом, так как ты мог допустить, чтобы твой муж так распускал язык и позорил твоё доброе имя перед чужими людьми?

Лицо Вэнькана стало ещё бледнее. Он открыл было рот, чтобы что-то возразить, но так и не нашёл нужных слов.

Тяньцзяо же, напротив, быстро пришёл в себя. Никакого раскаяния он не испытывал и с самым невозмутимым видом заявил: — Он — мой примак. Ест мой хлеб, пьёт мою воду, так что мне и решать, как им управлять.

Учитель Ван, не ожидавший такой подноготной, посмотрел на Вэнькана с ещё более сложным чувством. — Учение — тропа опасная. Многие пускаются в этот путь, ослеплённые жаждой наживы и почестей, но лишь единицы добиваются успеха. С таким положением в семье ты при первой же трудности повернёшь назад. Ничего из этого не выйдет. Забудь об учёбе.

— Не хотите брать — так и скажите, к чему эти красивые речи? — Тяньцзяо властно схватил Вэнькана за руку, потянув за собой. — Чего застыл? Не слышал, что ли? Тебе здесь не рады, потому что ты беден.

У наставника Вана от такой наглости едва глаза на лоб не полезли. — С чего ты взял, что я попрекаю его бедностью?!

Тяньцзяо обернулся и с вызовом бросил: — Сами же сказали: «С таким положением в семье при первой трудности повернёт назад». Разве это не намёк на то, что у него за душой ни гроша?

— Я имел в виду, что у него не хватает твёрдости духа! — в сердцах выкрикнул Учитель Ван, теряя самообладание. — Он позволяет гэ'эр помыкать собой, точно какой-то сопьяк!

Тяньцзяо лишь саркастично хмыкнул: — Посмотрите на него: руки тонкие, плечи узкие. Без меня он и дня не прокормится. Ну и что, если я им помыкаю? Я для него теперь и отец, и мать. Пусть радуется, что я не заставляю его называть меня родителем.

Старик почувствовал, что если услышит от этого юнца ещё хоть слово, его хватит удар. Он замахал руками: — Уходите! Убирайтесь немедленно, не оскверняйте своим присутствием мой дом!

— И уйдём! — Тяньцзяо рванул Вэнькана так, что тот пошатнулся. — И книги свои забрось, иди в поле пахать. Сгинешь там от натуги — значит, судьба такая. Сам виноват, что шансом не воспользовался!

Видя, что ситуация стала окончательно безнадёжной, Вэй Вэнькан больше не мог скрывать своего отчаяния. Тем не менее он нашёл в себе силы выпрямиться и отвесил наставнику глубокий, исполненный почтения поклон. — Благодарю вас, Учитель, за наставление. Я учился многие годы, и то, что в конце пути такой человек, как вы, подтвердил, что я хоть что-то усвоил — для меня уже награда. Мне не о чем жалеть.

Ван, будучи учителем долгие годы, прекрасно знал, как тяжело даётся грамота детям из бедных семей. Перед ним стоял человек способный и трудолюбивый, который не по своей воле терпел нужду и нападки сумасбродного супруга. Глядя на его худобу, наставник понимал: если этот парень вернётся к крестьянскому труду, он действительно долго не протянет.

Раз в жизни можно и помочь.

«Ладно, — подумал Ван. — Раз судьба свела нас сегодня, грех будет не помочь. Если я отвернусь от него сейчас, совесть мне потом покоя не даст»

Когда супруги уже почти дошли до конца переулка, голос наставника догнал их: — Стой! Я принимаю этого парня.

Тяньцзяо обернулся, выказав на лице скорее недовольство, чем радость: — Чего это вы передумали? Я уж было решил, что мы на учёбе сэкономим.

Учитель Ван не стал тратить время на споры. Он лишь сухо спросил: — Ты хочешь, чтобы твой муж стал сюцаем и возвысил твою семью, или нет?

Лю Тяньцзяо помедлил мгновение и честно ответил: — Хочу.

— Тогда избавь меня от пустой болтовни, — фыркнул старик. — Плата за обучение составит десять лянов серебра в год. Иди и готовь деньги.

— Десять лянов?! — юноша едва не подпрыгнул. — Говорили же, что шесть! А для бедных и вовсе пять!

— Ты же хотел, чтобы он выучился быстрее? За шесть лянов в год я буду давать ему меньше уроков, и на сюцая он сдаст лет через десять.

— А за десять?

— Через пять-шесть лет.

— Откуда такая разница? Вы меня не дурачите? — гэ'эр с подозрением прищурился. — Говорят же, что книжники — самые честные люди.

Наставник Ван сохранял ледяную серьёзность. — С чего бы мне тебя дурить? Он уже не мальчик. С каждым годом память слабеет, и учёба будет даваться всё труднее. Если хочешь результата, нужно брать интенсивностью.

Тяньцзяо стиснул зубы, прикидывая расходы. — Ладно. Десять так десять.

Учитель Ван пригласил их войти и окликнул подошедшего мальчишку-слугу: — Проводи этого гэ'эр к управляющему, пусть внесёт плату.

Тяньцзяо лишь хмыкнул.

«Старик-то хваткий, — подумал он. — Сразу за кошелёк взялся. Неужто боится, что я сбегу?»

Наставник сделал вид, что не заметил странного взгляда гостя, и повёл Вэнькана в классную комнату. Внутри сидели ряды «малышей-коротышек» — самым старшим было едва ли больше двенадцати-тринадцати лет. Дети во все глаза уставились на незнакомого взрослого мужчину.

— Учитель, а этот дяденька такой красивый! — пискнул один из учеников. — Он наш новый наставник?

Ван негромко кашлянул: — Нет. Это ваш новый однокашник.

В маленьком классе мгновенно поднялся гул, точно в разворошённом улье. — Однокашник? Почему он такой старый и учится вместе с нами?

Вэнькан, сгорая от стыда, заставил себя поднять голову. — Я поздно начал свой путь в науке. Прошу вас, братья-соученики, не откажите в наставлении.

Один пятилетний карапуз, в чьём голосе ещё слышались младенческие нотки, с любопытством спросил: — Значит ли это, что ты теперь должен звать нас «старшими братьями»?

Стоящий рядом мальчишка с самым серьёзным видом кивнул: — А как же иначе? Он пришёл позже нас, значит, он — младший ученик.

Малыш недоверчиво захлопал глазами: — Но он же ростом почти как мой папа!

— В учении возраст не в счёт! Моему брату уже вон сколько лет, а он до сих пор даже на туншэна не сдал!

Вэнькан, который был явно старше этого брата и тоже ещё не имел титула туншэна, почувствовал, как краска заливает лицо.

Дети в силу возраста ещё не умели лукавить, и их слова били не в бровь, а в глаз. Учитель Ван, видя, что ученик готов провалиться сквозь землю, постучал по столу. — Довольно! Все ли выполнили задание? Если нет — поторопитесь. Скоро я начну проверку, и те, кто не справится, сегодня домой не пойдут.

В классе мгновенно воцарилась тишина. На лицах детей отразился неподдельный страх — все знали, что угрозы наставника не пустой звук.

В школе были выделены две комнаты в боковом флигеле, в каждой из которых стояла широкая кровать и длинный стол. Провинившихся оставляли здесь на ночь. Если к сумеркам задание не было выполнено, Учитель Ван посылал слугу к родителям, а самого ученика кормили отвратительным, безвкусным ужином и укладывали спать. На рассвете его поднимали и заставляли снова садиться за книги.

Такой позор — и голодно, и перед родными стыдно, а дома потом ещё и порка ждёт. Те, кто хоть раз отведал «гостеприимства» школы, вспоминали об этом с содроганием.

Убедившись, что в классе воцарился порядок, Ван удовлетворённо кивнул и указал Вэнькану на место в последнем ряду. — Твоё место там. И не смотри свысока на своих сотоварищей. Кроме двоих новичков, все они уже знают «Четверокнижие» и «Пятиканоние» назубок. Один из них уже сдал на туншэна, и если бы не юный возраст, требующий закалки характера, он бы уже

перешёл в класс для подготовки к государственным экзаменам.

Вэнькан поразился — такой ребёнок, а уже туншэн! О всяком превосходстве можно было забыть. — Ученик запомнит ваши слова. Я приложу все силы, чтобы не отставать от соучеников.

Когда они наконец вышли за ворота школы, оба одновременно издали глубокий вздох облегчения, а затем, переглянувшись, весело расхохотались.

Лю Тяньцзяо похлопал мужа по плечу: — А ты молодец, парень! Так натурально изобразил забитого мученика, что Учитель Ван растаял. Жаль только, что злодеем в этой сказке остался я. Видел бы ты, как этот старикашка на меня зыркал на прощание!

Вэй Вэнькан тоже заметил недовольство наставника и с улыбкой ответил: — Учитель — человек искренний, прямодушный.

Действительно, вчера вечером они всё тщательно продумали. Супруги понимали: у них нет ни связей, ни знатных покровителей, а возраст Вэнькана велик для новичка. Чтобы заставить Вана сделать исключение, нужно было зацепить его за живое. Один козырь — талант, другой — жалость.

Вэнькан вздохнул: — Наставник проявил милосердие. Без этого никакие хитрости бы не помогли.

— Вот только с деньгами он нас обошёл, — буркнул Тяньцзяо. — Уж не решил ли он, что я слишком свиреп, и не задрал ли цену, чтобы прочить меня?

Десять лянов серебра в год — сумма для города немалая, но, учитывая репутацию Учителя Вана, она того стоила. Вэнькан выудил из рукава небольшой полотняный мешочек и протянул Тяньцзяо: — Наставник дал. Сказал — оставить себе на бумагу и кисти.

— Это ещё что? — юноша открыл кошелек и обнаружил там пять лянов серебра. Он не сдержал смеха: — Ах ты старый лис! Распорядился моими деньгами, чтобы выставить себя благодетелем. Забавный старик.

— Наставник боялся, что тебе будет жаль денег на мои нужды. Возьми их, Тяньцзяо.

Он вернул мешочек обратно. — Раз дал тебе — значит, бери. Нечего пренебрегать добротой учителя.

Вэнькан заколебался: — Но в доме и так денег в обрез.

— Раз я взял тебя в дом, то и содержать тебя — моя забота. Твоё дело — книги читать, а о медяках голова пусть у меня болит.

Лю вовсе не был безрассудно щедр. То, что Вэнькан первым делом принёс деньги ему, доказывало: этому человеку можно доверять. А раз так, то какая разница, в чьём кармане лежат монеты? Книжники — народ тонкий. Чем больше доверия и щедрости он проявит сейчас, тем крепче будет признательность Вэнькана. И почему бы не воспользоваться таким случаем?

Видя, что Тяньцзяо непреклонен, Вэнькан, тронутый этим жестом, спрятал серебро. — Что ж... тогда отложим их на оплату учёбы в следующем году.

<http://bllate.org/book/15343/1373379>